

После празднования Нового года У Ван задержался в клане Се еще на неделю. Поскольку он был всего лишь ребенком, нуждающимся в постоянном присмотре, он не мог часто участвовать в играх старших братьев. За эти дни его познания об усадьбе Се ограничились лишь разнообразием комнат, двориков и взрослыми, которые каждый день невольно тискали его.

Больше всего ему запомнились праздничные визиты пару дней назад: группа сестер из клана Хо, которые выглядели необычайно нарядно даже зимой, и дедушка Се, который, войдя в раж, исполнил на сцене отрывок из Дракон и Феникс приносят процветание. Таких картин в своей прошлой жизни он не видел.

У Се же был в полнейшем восторге от дней, проведенных в Пекине. Ему не только не нужно было ежедневно практиковаться в каллиграфии, но и появилась возможность повсюду играть с младшей сестренкой Сяохуа. В эти дни они были неразлучны: болтали обо всем на свете — от стихов и песен до жизненной философии, вместе любовались снегом, звездами и луной (как он сам считал).

Конечно, будучи хорошим старшим братом, даже забавляясь и строя глазки, он несколько раз в день приносил младшему брату что-нибудь интересное.

Будь то причудливая ветка, гладкий камень или маленький, но живой снеговик — Се Юйчэнь старался не отставать, из-за чего к вечеру кровать У Вана была завалена странными подарками.

Позавчера У Санышэн и Се Ляньхуань водили детей в город. Вернулись они с полными сумками еды и игрушек. У Се всю дорогу держал в руках леденец на палочке и, прибежав к У Вану, принялся его дразнить.

— Ванван, смотри, что это?

У Се со всех сторон демонстрировал брату леденец. Видя, как черные глазки малыша следят за сладостью, а крошечные ручки тянутся схватить, он неспешно отстранил руку и сам откусил кусочек:

— Ванван, запомни, это называется танхулу. Сладкое и очень вкусное. Брат специально для тебя принес, но жаль, ты еще слишком мал, чтобы есть, так что мне придется выручить тебя и съесть самому.

Се Юйчэнь с немым укором наблюдал за ним. Брат У Се иногда бывает самым лучшим, а иногда — самым несносным!

Глядя на то, как младший братик с надеждой смотрит на леденец, готовый вот-вот заговорить от нетерпения, и как каждый раз, когда У Се откусывал кусочек, он сам начинал причмокивать губами, так что слюнявчик промок насквозь, взрослые не выдержали и легонько шлепнули озорника. Мало того что сам ест, так еще и перед братом хвастается.

К тому же, леденец был совсем не сладким. У Се, который при У Ване делал вид, что наслаждается вкусом, стоило отвернуться, как тут же кривился от кислоты. Но даже так он не сдавался и, повернувшись обратно, продолжал грызть.

Се Юйчэнь похлопал У Вана по животику, пытаясь привлечь его внимание: ну же, поплачь немного, если ты не заплачешь, брат У Се не перестанет тебя дразнить. У Ван совершенно не понял намека, лишь поднял голову, улыбнулся ему и, указывая на У Се, начал что-то невнятно агукать.

Се Юйчэнь: Поплачь, иначе твой бессовестный брат не успокоится.

У Ван: Не волнуйся, невестка, я не отниму у брата леденец.

У Се: Чав-чав-чав... как же кисло...

Время в мелких интригах У Се пролетело незаметно, и вскоре настала пора возвращаться домой.

— Уа-а! Не хочу! Я не хочу уезжать, сестренка Сяохуа, у-у-у!

У Се завыл в голос, его сердце разрывалось от боли. Хотя еще вчера вечером У Саньшэн неоднократно подчеркивал, что Се Юйчэнь никак не может поехать с ними в Ханчжоу, и после долгих уговоров У Се наконец успокоился, но стоило подойти моменту отъезда, как он снова залился слезами.

Га Ижуй, уже сидевшая в машине, чувствовала, как у нее дергается вена на лбу. Только благодаря настойчивым утешениям мужа, У Ицюн, она не вышла из машины, чтобы оттащить своего непутевого старшего сына за уши.

— Не волнуйся, не волнуйся, Сяован и Сяохуа смотрят, сохраняй лицо.

Услышав про У Вана, они посмотрели на малыша на руках. У Ван тоже грустил, но для своего возраста он отлично контролировал эмоции: лишь глаза слегка покраснели, а ручка все время держалась за Се Юйчэня у окна машины.

Га Ижуй и ее муж беспомощно переглянулись. Не должны ли эти двое поменяться выражениями лиц? Старший воет на весь свет, а младший сносит обиду молча — это же неправильно!

У Се, который уже собирался излить душу, под суровым взглядом второго дяди мгновенно замолчал, надул губы и послушно сел в машину.

Пока впереди Се Цзю и У Лаогоу о чем-то говорили, У Се успел попрощаться со своей дорогой сестренкой Сяохуа. У Саньшэна при виде того, как они держатся за руки, глядя друг на друга

со слезами на глазах, взяло недоумение. У Се из машины тянулся к Се Юйчэню, а тот с достоинством держал в руках маленький платочек и, глядя на У Се, тихонько утирал слезы. На фоне падающего снега это выглядело как воссоединение Пастуха и Ткачихи.

У Саньшэн почувствовал себя безжалостной Небесной Владычицей, разлучающей влюбленных. Он беспомощно закатил глаза и сел на переднее сиденье.

— Брат У Се, ты еще не видел, как расцвели бегонии в моем дворе.

— У-у, да, но сестренка Сяохуа, не волнуйся, я обязательно вернусь за тобой.

Двое детей, общающихся через Млечный Путь, не заметили, что многие члены клана Се вокруг наблюдали за ними с насмешливыми улыбками.

Когда машина завелась, Се Ляньхуань подошел и отвел Се Юйчэня, махнув У Саньшэну рукой: До встречи.

Снегопад прекратился, яркое солнце равномерно залило землю, укрыв ее золотой вуалью. Се Юйчэнь стоял у ворот, провожая взглядом удаляющийся кортеж.

— Сестренка Сяохуа! Жди, я вернусь, чтобы жениться на тебе! Ой... папа, не бей.

Се Юйчэнь рассмеялся сквозь слезы.

У Се, понутив голову, плелся за остальными на вокзал. Справившись с хандрой, он поднял голову и увидел надпись: Пекинский вокзал.

Поезд! 29 часов!

— Не-е-ет! — взвыл У Се.

Даже Инь Инъяо в этот момент не хотелось признавать, что это ее внук — слишком уж позорно.

Когда У Се прошел проверку билетов и вошел в купе, он плашмя повалился на полку, пустым взглядом уставившись в потолок. Га Ижуй беспомощно похлопала его по голове, уложила У Вана рядом и сама легла отдыхать, оставив багаж на У Ицюн. Она искренне не понимала, зачем младшему деверю понадобилось скрывать от всех, что Сяохуа — мальчик. Неужели ему так хотелось увидеть выражение лица У Се, когда тот, повзрослев, узнает правду, словно его поразит молния?

Тоска по любимым подобна вечному потоку, ей нет конца и края. У Се повернул голову к мирно спящему братику, прижался к нему и чмокнул в щеку. У Ван, пожалев брата, погладил его по лицу и обнял за голову. У Се тяжело вздохнул: мой глупый братишка, так ты меня задушишь.

Перевернувшись, он уложил У Вана себе на грудь и начал покачиваться. Поездку в мрачном поезде можно было пережить, только играя с братом. Покачиваясь, он думал: пусть путь и труден, но ничто не мешает мне развивать чувства с моей прекрасной невестой. Сестренка Сяохуа, жди меня, в следующем году я снова привезу брата в Пекин!

...

— Старик хоронит молодого! Как я теперь посмотрю в глаза Се Цзю?

— Отец, мы правда не ожидали, что Ляньхуань так...

— У меня нет выхода. Иди сам в клан Се и проси прощения, покайся в содеянном! Это же надо было так начудить!

— Отец...

У Се прятался за цветочной клумбой у родового храма, не понимая сути ожесточенного спора внутри. Перед отъездом третий дядя сказал ему, что отправляется с друзьями-единомышленниками на великое дело, а по возвращении поделится успехами. У Се каждый день ждал этого момента, и, узнав о возвращении дяди, сразу побежал к нему, но помощник сказал, что его вызвал дед в храм. У Се пришел туда, услышал крики деда и звуки наказания, и сразу побоялся войти.

Вернувшись в комнату в подавленном состоянии, он увидел, как У Ван, опираясь на мебель, учится ходить. У Се подошел и сел рядом с Инь Инъяо:

— Бабушка, я только что слышал в храме... Третий дядя провинился?

— Эх, это дела взрослых, Сяо Се, не переживай, они все уладят.

Инь Инъяо погладила внука по голове, вспоминая У Саньшэна, которого видела сегодня в приемной, и тяжело вздохнула. Она не понимала, что происходит, и не верила, что отец и брат не узнают родную кровь, но знала — это касается всех Девяти Врат.

У Ван, видя, что брат не в духе, не стал мешать, а просто продолжил медленно передвигаться, держась за стол. У Се, отбросив грусть, улыбнулся и протянул руки:

— Ванван, иди к брату, обниму.

У Ван радостно зашагал к нему, споткнулся, упал на ковер, но ничуть не расстроился и, встав на четвереньки, дополз до объятий У Се.

— Чмок, Ванван молодец!

К ужину У Саньшэна дома уже не было. За столом сидели только У Лаогоу, Инь Инъяо, У Эрбай и братья. У Ицюн с женой недавно уехали на работу, они занимались геологическими исследованиями в отдаленных местах, и теперь часто отсутствовали.

У Се повязал брату слюнявчик и начал есть. Глядя на деда, бабушку и молчаливого второго дядю, он не решился спросить, где третий дядя, и просто молча ел, присматривая за У Ваном.

После ужина, вытирая брату рот, он украдкой поглядывал на взрослых. Когда он в четвертый раз вытер лицо У Вану, У Эрбай внезапно подал голос:

— Поел — неси брата отдыхать. Послезавтра день рождения Сяована, подарок подготовил?

— Да, — ответил У Се и, дождавшись, пока слуга возьмет У Вана на руки, послушно пошел следом.

Когда У Се ушел, Инь Инъяо тоже поднялась в свою комнату, оставив У Лаогоу и У Эрбая в кабинете. У Лаогоу, едва сев, дунул в свисток на груди. Низкий звук растворился в темноте, и вскоре из искусственных скал и кустов выскочили собаки. Они бесшумно окружили кабинет, проверили территорию и, не найдя ничего подозрительного, залегли по местам.

— Что на самом деле думает старик? Чего он хочет?

— Отец...

...

Ночь была тихой, лампы догорали. В спальне мерцал тусклый свет. Инь Инъяо, лежа с закрытыми глазами, тихо проговорила:

— Пятый брат, хотя бы не дай мне... не знать даже, куда вставить курительные палочки.

Издали приплыло облако, скрыв луну. В маленьком дворике царила тишина, лишь легкий ветерок шелестел листвой. Бесконечное безмолвие, словно прилив, накрывало все вокруг.

— А Ин, не бойся, Саньшэн еще жив.

Тучи проплыли мимо, и лунный свет нежно обнял землю. Все сущее погрузилось в этот покой.

<http://bllate.org/book/21354/2170929>